

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ**

**БУДДИЙСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ САНГХА РОССИИ
ДАЦАН ГУНЗЭЧОЙНЭЙ**

ТИБЕТОЛОГИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Сборник статей

Выпуск 1

**Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2014**

Печатается по решению Ученого совета ИВР РАН

Редакционная коллегия:
доктор ист. наук проф. *И. Ф. Попова* (председатель); *Б. Б. Бадмаев*;
канд. филол. наук *А. В. Зорин* (ответственный редактор);
доктор ист. наук проф. *В. Л. Успенский*

Рецензенты:
канд. филос. наук *М. Н. Кожевникова*; канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Санкт-Петербургского дацана Гунзчойнэй*

Тибетология в Санкт-Петербурге. Сборник статей. Выпуск 1. —
СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014.

Сборник состоит из двух частей, которые включают материалы: 1) Первых и Вторых Петербургских тибетологических чтений (ИВР РАН, 2012—2013 г.); 2) Круглого стола по теме «100-летие молебна, проведенного XII Пандито Хамбо Ламой Итигэловым в Санкт-Петербурге. Актуальные вопросы взаимодействия буддизма и науки» (ГМИР, 16 мая 2013 г.).

Editorial Board:
Prof. Dr. *I. F. Popova* (chief editor); *B. B. Badmaev*;
Dr. *A. V. Zorin* (executive editor); Prof. Dr. *V. L. Uspensky*

Peer-reviewed by:
Dr. *M. N. Kozhevnikova*; Dr. *N. S. Yakhontova*

Tibetology in St. Petersburg. Collected papers. Issue 1. — St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2014.

The book consists of two parts containing papers submitted at the First and Second St. Petersburg Tibetological Seminars, held at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS in 2012 and 2013, and the Round Table *The 100th Anniversary of the Prayer Service Performed by the 12th Pandito Khambo Lama Itigelov in St. Petersburg. Current Issues of Cooperation between Buddhism and Science* held at the State Museum of History of Religions on May 16, 2013.

ISBN 978-5-85803-477-3

9 785858 103477 3

© Коллектив авторов, 2014
© Институт восточных рукописей РАН, 2014
© Петербургское Востоковедение, 2014

А. В. Зорин

О СТРУКТУРЕ И СОДЕРЖАНИИ СБОРНИКА «СУНГДУЙ» *

В статье представлены предварительные результаты анализа структуры знаменитого сборника буддийских текстов, который вошел в историю тибетской и монгольской литературы под названием «Сунгдуй», а также краткая характеристика основных литературных жанров, представленных в сборнике, таких как сутры, дхарани-сутры, дхарани, мантры, гимны, молитвы. Особо рассмотрен вопрос о том, каким был первичный список текстов сборника, составленный Таранатхой в первой трети XVII в.

Ключевые слова: «Сунгдуй», Таранатха, структура сборника текстов, жанры тибетской литературы

Сборник буддийских канонических, постканонических и апокрифических ¹ текстов «Сунгдуй», восходящий к знаменитому тибетскому учителю и мыслителю Таранатхе (1575—1634), известен в большом количестве изданий на тибетском и монгольском языке. В недавней специальной публикации мне, я надеюсь, удалось обосновать существование двух линий развития тибетского варианта сборника, которые я условно назвал «оригинальной тибетской» и «императорской пекинской» [Zorin, 2014]. В другой же публикации, написанной в соавторстве с А. А. Сизовой, была выдвинута гипотеза о том, что императорская пекинская линия развития возникла не без влияния имевшейся уже к тому моменту монгольской версии памятника [Зорин, Сизова, 2013]. Обе публикации основаны на изучении уникального соб-

* Статья написана в рамках исследовательского проекта, поддержанного субсидией от Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга (конкурс для молодых ученых, молодых кандидатов наук ВУЗов, отраслевых и академических институтов, расположенных на территории Санкт-Петербурга, 2013 г.).

¹ Данные термины используются исключительно в контексте истории тибетской литературы, а не буддийской литературы вообще.

рания различных изданий «Сунгдуя» на тибетском и монгольском языке, имеющегося в коллекции ИВР РАН; обе же носили сугубо текстологический характер и только коротко касались вопросов структуры и содержания сборника, раскрытию которых и посвящена данная статья.

Хотя сборник давно привлекает внимание ученых, о его структуре и содержании написано не так много. Пожалуй, наиболее подробно они рассмотрены в статье Р. Майзецаля, сыгравшей важную роль в истории изучения «Сунгдуя» [Meisezahl, 1968: 73—82]. Однако в силу обширности задач, стоявших перед автором, он не мог уделить им полноценного внимания. Можно упомянуть также росписи репертуара сборника, представленные в нескольких каталогах тибетских и монгольских книг: хотя они не выходят за археографические рамки, но все же наглядно демонстрируют общую направленность содержания сборника².

В своей статье, носящей предварительный характер, я постараюсь расширить анализ «Сунгдуя», во-первых, выделив группы текстов внутри двух его разделов, во-вторых, охарактеризовав основные жанры входящих в него сочинений, однако в основном без учета апокрифических текстов, которым я надеюсь посвятить отдельное исследование. Замечу также, что, хотя я в своем анализе опираюсь на материалы тибетского варианта сборника, полученные результаты в основном приложимы и к его монгольскому варианту.

1. О проблеме исходного списка текстов «Сунгдуя»

Как было сказано, формирование «Сунгдуя» восходит к Таранатхе, который, помимо прочего, был лидером влиятельной буддийской школы чжонанг, после его смерти разгромленной и практически уничтоженной в правление Пятого Далай-ламы. Главный центр школы, которым стал монастырь Тактэн-дампэ-чойки-линг, основанный Таранатхой близ Шигацзе в 1615 г. [Dung dkar tshig mdzod chen mo, 2002: 2330], был поглощен школой гэлук в 1650 г. и в 1658 г. переименован в Гадэн-пунцок-линг. В этом именно монастыре было осуществлено первое издание «Сунгдуя», которое пока остается не выявленным в мировых собраниях тибетских книг. Однако в нашем распоряжении имеются ксилографические издания, весьма близкие к оригинальному,

² См., например, каталог В. Л. Успенского, где расписано содержание монгольскоязычного издания 1727 г., соответствующего тибетоязычному пекинскому изданию 1691 г. [Uspensky, 1999: 147—170]. Полный список каталогов, содержащих описание различных изданий «Сунгдуя», представлен в статье [Зорин, Сизова, 2013].

прежде всего его копия, отпечатанная в Монголии во второй половине XVII в., по-видимому, под патронажем младшего брата Дзанабадзара по имени Сидишири³. Другое издание, хотя хронологически и несколько более раннее, чем монгольское (оно было напечатано в монастыре Тактэн-дампэ-чойки-линг, т. е. еще до его переименования в 1658 г.), отражает уже слегка измененную редакцию сборника. Оба ксилографа достаточно красноречиво свидетельствуют о репертуаре оригинального издания. Из знакомства с ним очевидно следует, что Таранатха не был редактором и издателем всего сборника в том виде, в каком он был впервые напечатан, но, вероятно, составил «ядро» сборника, которое впоследствии было расширено за счет некоторых других текстов.

Точный размер этого первоначального ядра не до конца ясен. Весьма возможно, он ограничивался лишь основной частью первого раздела сборника, озаглавленного *Gzungs mdo*. Этот термин является эквивалентом санскритского слова *Dhāraṇī-sūtra*, оно означает разновидность жанра сутр, отличающуюся тем, что во входящих в нее текстах содержатся особые молитвы-заклинания, дхарани, которым приписывается большая магическая сила. Помимо текстов такого рода (к ним относится, например, «Дхарани Ушнишавиджайи» [Tôhoku: № 594—596]⁴ и т. д.), а также некоторого количества просто молитв-дхарани, не имеющих какой-либо нарративной рамки, раздел «Gzungs mdo» содержит несколько других важных текстов, наделяемых большой сакральной силой, в частности знаменитую «Манджушри-нама-сангити» [Tôhoku: № 360]. Тексты или группы текстов в сборнике пронумерованы тибетскими буквами, от ༀ до ༘, далее ༎, ༏, ༐, ༑ и т. д., как правило, вплоть до ༘. Конец той части, которая была составлена Таранатхой, по крайней мере внутри первого раздела, находится в части ༎, снабженной колофоном: «Этот [раздел] „дхарани-сутр“ был подготовлен Великим Ваджрадхарой Таранатхой и потому совершенно верен»⁵; несколько иная версия этого колофона содержится в текстах, относящихся к одной из редакций сборника: «Это копия [раздела]

³ Я хотел бы поблагодарить проф. В. Л. Успенского за помощь в идентификации этого исторического лица; подробнее см.: [Зорин, Сизова, 2013].

⁴ Здесь и далее я привожу номера сочинений по каталогу дэргэского издания канона [Tôhoku] и только в случае, если указываю их названия; полный список текстов императорской пекинской редакции «Сунгдую» см., например, в каталоге В. Л. Успенского, где они сопровождаются отсылками к каталогу пекинского издания канона; список текстов тибетской линии развития «Сунгдую» на конец XVII в. представлен в работах Х. Аймера [Eimer, 1972—1978; 2006].

⁵ *Gzungs mdo 'di ni rdo rje 'chang chen po rje btsun tā ra nā thas zhud dag gnang nas shin tu dag pa yod do* [Tib. 177-3, ч. Со: 3а5; etc.].

„дхарани-сутр“, подготовленного Великим Ваджрадхарой Таранатхой»⁶. Впоследствии к первому разделу были добавлены еще несколько текстов и, возможно одновременно с ними, второй раздел под названием «*Mdo phran*», «Малые сутры», содержащий такие важные тексты, как, например, «Ваджраччхедика» [Tôhoku: № 16]. Также в этот раздел входит некоторое количество текстов иного рода, прежде всего относящихся к литературе из кладов (тэрма) [Востриков, 2007: 30—31] и тесно связанных с фигурой Падмасамбхавы (VIII в.).

У второго раздела нет особого колофона, в котором был бы обозначен Таранатха как его составитель, хотя многие тексты раздела, подобно большинству сочинений первого раздела, завершаются редакторскими вердиктами *zhus dag* или *dag*, т. е. «проверено», «верно» и различными формулами благопожелания, однако не вполне ясно, следует ли все эти вердикты рассматривать непременно как слова самого Таранатхи. Здесь уместно процитировать *карчак* издания «Сунгдую» амдоского монастыря Лавран (конец XVIII в.):

...хотя имеется множество сборников дхарани, составленных учеными людьми, появившимися здесь, в Стране снегов, в течение первоначального и последующего [распространения Дхармы, мы] переиздали издание «Сунгдую» монастыря Тактэн-пунцок-линг, состоящее из [разделов] дхарани-сутр и малых сутр, отобранных Великим Досточтимым Таранатхой и расширенных за счет некоторых текстов из кладов и т. д., ставших знаменитыми в Тибете⁷.

Если мы можем полагаться на сведения, содержащиеся в издании, отстоящем на полтора века от времени смерти Таранатхи, тогда ядром сборника, составленного им, следует признать и большую часть первого раздела, и второй раздел, не считая текстов тэрма.

В любом случае, я полагаю, эти цитаты достаточно красноречиво опровергают выраженную в некоторых пекинских изданиях идею о том, что Таранатха непосредственно готовил ксилографическое издание сборника⁸, окончательное же формирование его состава, не говоря уже о печати, очевидно, имело место после его смерти.

⁶ *Gzungs mdo 'di ni rdo rje 'chang chen po rje btsun tā ra nā thas zhus dag gnang ba'i dpe las bris ba'o* [Tib.177-2, ч. Co: 4a2—3; etc.].

⁷ *De yang gangs can gyi ljongs 'dir snga phyir byon pa'i mkhas pa du mas bsgrigs pa'i gzungs bsdus mang du mchis na'ang | 'dir rje btsun chen po t'a ra n'a thas zhus dag mdzad pa'i mdo phran dang gzungs phran rnam kyī steng du | bod na grags che ba'i gter ma sogs 'ga' zhig bsnan nas | rtag brtan phun tshogs gling du brkos pa'i gzungs bsdus par ma phyi mor byas te par gсар bskrun la bzhugs pa...* [Tib. 172, Dkar chag: 2a5—2b3; etc.].

⁸ *Gangs can riag brtan du tā ra na tas par du bzhengs pa* [Tib.170, Dkar chag: 1b6; etc.].

Это первое издание «Сунгдую», основанное на первоначальном сборнике, составленном Таранатхой, и расширенное за счет некоторых дополнительных текстов, послужило отправной точкой для многочисленных переизданий сборника, нередко сопровождавшихся изменениями в его составе, на весьма широкой территории, включающей Центральный и Восточный Тибет, Китай, Монголию, Бурятию, Ладак.

2. Структура сборника

С конца XVII в. как в оригинальной тибетской, так и в императорской пекинской редакциях, равно как и в монголоязычных изданиях, сборник стал издаваться преимущественно в двух томах. При этом каждый из двух упомянутых выше разделов — «Дхарани-сутры» и «Малые сутры» — занимает в таких изданиях примерно по одному тому.

Первый раздел, как было сказано, восходит непосредственно к Таранатхе. По всей вероятности, список Таранатхи имел следующий состав.

1. «Манджушри-нама-сангити». Это знаменитый стихотворный текст, представляющий собой цикл гимнов бодхисаттвы мудрости Манджушри, насыщенный тантрической символикой и тесно связанный с высшими практиками буддийской тантры; его анализу посвящена монография А. Уэймэна [Wayman, 1999].

2. Тексты, посвященные группе «трех божеств долголетия», в которую входят Амитаюс (2 текста), Ушнишавиджая (4 текста, включая мантры, напечатанные отдельно) и Белая Тара (3 текста). Главным в этой группе обычно выступает Амитаюс, чье имя, собственно, означает «Бесконечная Жизнь»; таким образом, он трактуется как Будда долголетия и на иконах, посвященных данной триаде, как правило, изображается в центре. Его спутницами выступают две ипостаси знаменитой буддийской богини Тары, а именно Ушнишавиджая и Белая Тара, обе также считаются «отвечающими» за долголетие. Практики всех трех божеств особенно популярны у буддистов-мирян.

3. Сочинения, воспевающие имена Будды («Сто восемь имен Будды Бхагавана» [Tōhoku: № 532, 873] и несколько дополнительных коротких дхарани) и некоторых буддийских божеств: Праджняпарамиты, Майтреи, Тары. Основными текстами этой подгруппы являются сочинения жанра *намашташатака* (букв.: ‘сто восемь имен’), представляющие собой перечисление имен и эпитетов божеств.

4. Сочинения, посвященные еще нескольким божествам: Парнашавари, Маричи, Дхваджагре, Ваджраратиру, Махабале. Их практики также связаны с обеспечением мирских благ, в частности основная функция Парнашавари — это защита от болезней, прежде всего заразных (к ее помощи прибегают, например, в ситуации, когда большое

количество людей собирается для получения религиозных наставлений).

5. Две дхарани-сутры, посвященные, соответственно, защите от разбойников и от различных препятствий.

6. Тексты, посвященные бодхисаттве сострадания Авалокитешваре в нескольких его формах (Одиннадцатиликому Тысячерукому, Симхаваде, Амогхапаше). Практики, касающиеся Авалокитешвары, зачастую связаны с разного рода мирскими заботами (существует, например, особая форма божества, поклонение которой, как считается, может избавить человека от болезни глаз).

7. Тексты, посвященные еще нескольким важным божествам: бодхисаттвам Ваджрапани и Самантабхадре, гневному царю Бхуркумкуте (практики этого божества напрямую связаны с задачами излечения от болезней).

8. Значительное число общих дхарани, направленных на достижение тех или иных целей: обильного мужского потомства, победы в бою, нейтрализации яда, клеветы, болезней и т. д. Среди этих текстов также имеются короткие дхарани, связанные с почитанием священных текстов по учению праджняпарамиты.

9. Группа текстов, связанных с почитанием Куберы и Ганapati, божеств богатства. Помимо их основных дхарани, в группу входят короткие заклинательные тексты, направленные на защиту скота (особенно лошадей и овец), что отражает специфику тибетского общества, в значительной части скотоводческого.

10. Завершает первоначальный список текст по культуре божества Ваджравидараны, с которым связаны очистительные практики. В конце текста следует колофон, фиксирующий завершение раздела «Дхарани-сутры», составленного Таранатхой.

Как было сказано выше, первый раздел был дополнен некоторыми текстами уже в оригинальном издании, напечатанном после смерти Таранатхи в монастыре Тактэн. Среди прочего, эти первичные дополнения включают едва ли не самый популярный текст тибетского буддизма — «Гимн Таре в двадцати одной хвале» [Tôhoku: № 438], который неоднократно переводился на западные языки (см., например: [Willson, 1996: 105—166; Зорин, 2009: 37—49, 113—139]).

В дальнейшем обе линии развития памятника расширили данный раздел некоторыми дополнительными текстами. В частности, тибетская линия добавляет прославление имен божества богатства Джамбхалы (пункт 3), мантры пяти богинь-защитниц из группы «панчаракша» (пункт 4) и некоторые другие тексты⁹; а императорская пе-

⁹ Я не касаюсь здесь самого позднего лхасского издания «Сунгдуй» 1947 г., существенно расширенного и притом лишённого всяких упоминаний о Таранатхе. Интересно отметить, что издание это заканчивается патриотиче-

кинская линия — дополнительные гимны Ушнишавиджае (пункт 2), Зеленой и Белой Таре (пункт 3, следуют после добавленного к нему «Гимна двадцати одной Таре») и Авалокитешваре (пункт 6).

Согласно колофонам, все остальные сочинения сборника входят во второй его раздел, именуемый «Малые сутры». Некоторое удивление может вызвать то обстоятельство, что в изданиях, где сборник делится на два тома, граница между томами проходит не здесь, а несколько далее, вследствие чего в первый том попадает еще несколько небольших текстов, в том числе знаменитая «Хридая-сутра» [Tôhoku: № 531], содержащая в сжатом виде концепцию учения о пустоте всех дхарм и часто используемая как молитва для концентрации при начале буддийской практики. Издания, отражающие пекинскую редакцию, в этой части сборника содержат несколько текстов, принадлежащих авторитетным тибетским авторам: знаменитому реформатору тибетского буддизма Чже Цонкапе и первому Панчен-ламе; добавим также, что три дополнительных гимна Белой Таре, представленные в этой редакции, принадлежат ученику Чже Цонкапы — Гэдун Друпуну, который уже после своей смерти был признан Первым Далай-ламой. Складывается ощущение, что издатели «Сунгдуня» чувствовали некоторую незавершенность первого раздела (по списку Таранатхи, он заканчивается текстом, посвященным Ваджравидаране — не столь почитаемому школой гэлук божеству), и попытались дополнить раздел, формально представив свои дополнения, относящиеся уже к следующему разделу. Это ощущение особенно усиливается тем обстоятельством, что двухтомные издания, относящиеся к тибетской линии развития сборника (т. е. с конца XVII в.), завершают первый том тремя очень краткими гимновыми текстами, которые фиксируются в качестве дополнения к сборнику уже самыми ранними известными нам изданиями: «Экагатха», «Гатхадвая-дхарани» и «Чатургатха» (см., соответственно: [Tôhoku: № 323, 611, 324]). При этом в изданиях императорской пекинской линии указанные тексты также маркируют границу между томами, но не заканчивают первый том (эту функцию выполняют стихотворные фрагменты из сочинений Чже Цонкапы), а начинают второй.

Все тексты второго раздела можно в общем поделить на две группы, причем не по тематическому критерию, в отличие от первого раздела, а по критерию их источника.

1. Сутры из тибетского буддийского канона, некоторые из них довольно объемные, в частности упомянутая выше знаменитая «Вад-

ской «Молитвой о счастье для тибетской земли» Чжамгон Лодой Тасе (1813—1899), в ней, в частности, выражается упование на то, что враждебные армии, которые могут угрожать Тибету, будут усмирены и побеждены [WIKG12113. Vol. 2: 306a2—4].

жраччхедика-сутра». Также здесь содержится два варианта сутры о том, как Будда в одном из своих предыдущих рождений отдал свое тело тигрице, у которой умирали от голода ее детеныши.

2. Тексты, относящиеся к литературе тэрма и почитаемые в школе ньингмапа, а также пришедшие в Тибет не напрямую из Индии, а через другие страны (Китай, Хотан, Монголию). Некоторые из текстов приписываются авторству знаменитого индийского проповедника буддизма в Тибете и великого йогина Падмасамбхавы (VIII в.), который считается основателем ньингмапы. Отметим, что в первом разделе в изданиях пекинской редакции также имеется текст тэрма, а именно «Гимн Авалокитешваре», приписываемый царю Сонгцэн-гампо (см. ниже).

Завершает сборник группа прославительных и благопожелательных стихотворных текстов, в частности «Гимн пяти Татхагатам» (имеются в виду будды так называемых пяти семейств, чьи образы играют важную роль в символике буддийской тантры) [Tôhoku: № 822, 1105, 3782], «Гимн семи [прошедшим] буддам-героям» [Tôhoku: № 821, 1104] (т. е. семи предыдущим «историческим» буддам, заканчивая Буддой Шакьямуни) и «Гимн десяти деяниям Татхагаты» (имеются в виду основные деяния Будды Шакьямуни, с указанием мест их совершения: рождение, достижение пробуждения и т. д.).

За небольшими исключениями состав второго раздела двух линий редакций памятника практически не отличается. Среди текстов, представленных только в тибетской линии (начиная со второй половины XVII в.), отметим весьма популярную «Трискандха-сутру», посвященную почитанию так называемых тридцати пяти будд покаяния. Ее не следует путать с одноименной сутрой, имеющейся в составе канона [Tôhoku: № 284]. Хотя рассматриваемый текст и известен под этим названием в последующей тибетской традиции, однако в каноне он содержится внутри одной из сутр, входящих в состав обширной «Ратнакута-сутры» [Tôhoku: № 68: 120a—121b]. В нем утверждается, что обращение к тридцати пяти буддам с молитвенным поклоном и раскаянием в различных проступках приводит к их очищению.

3. Жанры буддийской литературы, представленные в сборнике

Даже беглое ознакомление со списком текстов, входящих в «Сундуй», показывает, что в него входят сочинения преимущественно благопожелательного, магического, прославительного, молитвенного характера. Впрочем, сочинения, которым такие свойства эксплицитно не присущи, наделяются таковыми буддийской традицией. Так, например, упомянутые выше краткие сутры праджняпарамиты («Хридая-

сутра» и «Ваджраччхедика»), излагающие философское учение буддизма Махаяны о пустоте всех дхарм от самостоятельной сущности, очень часто хранились в домах мирян на алтарях; миряне при этом, как правило, сами не читали этих книг, они были им нужны скорее в функции оберегов.

Пожалуй, не будет преувеличением назвать все сочинения «Сунгдуй» и весь памятник в целом своего рода словесным оберегом от всякого рода напастей, которые могут угрожать людям в их повседневной жизни. Вероятно, именно в этой функции он был востребован и императорами династии Цин, прежде всего Канси и Юнчжэном, при которых памятник был издан несколько раз, причем издание 1674 г. представлено в мире несколькими экземплярами настолько большого формата и настолько высокого качества исполнения, что, без сомнения, они должны были находиться в пользовании высших лиц империи.

Эта функция оберега и высокий имперский статус сборника, очевидно, повлияли и на появление его печатного воспроизведения в одном из бурятских монастырей. Более подробных сведений на сей счет пока, к сожалению, обнаружить не удалось.

Конкретные функции сочинений, входящих в «Сунгдуй», могут быть показаны, в том числе, в ходе анализа их стилистики.

В сборнике представлено несколько важных жанров канонической буддийской литературы. Уже в названиях двух разделов сборника зафиксированы два из них, а именно дхарани-сутры и малые сутры. Здесь же имплицитно содержится название жанра дхарани, к которому примыкают мантры. Наконец, значительную часть сборника составляют гимновые и молитвенные тексты. Рассмотрим коротко каждую группу.

Сутры

Буддийские сутры представляют собой тексты, которые, как считает традиция, были преподаны лично Буддой Шакьямуни (в редких случаях другими буддами) его ученикам с целью проповеди тех или иных философских, этических и прочих норм Дхармы. Нередко эти наставления строятся в форме диалога между Буддой и его учениками, как, например, в «Ваджраччхедике», где Будда беседует со своим учеником Субхути на тему пустоты всех дхарм. Разворачивание этого фундаментального положения происходит через отрицание существования каких-либо дхарм (будь то элементы, составляющие личность человека, или внешние элементы) независимо от других дхарм. На этом положении, в частности, строится отрицание существования «я», вера в которое, согласно буддизму, лежит в основе сансары, так как порождает понятие «мое» и все связанные с этим страсти и аффекты.

Будда (именуемый здесь также именами «Бхагаван» и «Татхагата») ведет разговор, задавая Субхути наводящие вопросы, на которые тот, уже поняв мысль Учителя, всегда отвечает соответственно, никогда не оспаривая его высказываний. В сущности, перед нами монолог, который раздвоен, кажется, исключительно для оживления репрезентации Учения. Приведем небольшой пример.

Бхагаван произнес:

— Истинно так, о Субхути! Истинно так! Если какой-нибудь бодхисаттва скажет: «Я полностью выведу из мира страданий живых существ», то его нельзя будет назвать бодхисаттвой. И почему так? Подумай-ка, о Субхути: есть ли такая дхарма, как бодхисаттва?

Субхути ответил:

— Нет, о Бхагаван.

Бхагаван сказал:

— Поэтому, о Субхути, Татхагата и говорит обо всех дхармах: «Живых существ нет, жизни нет, личности нет». Еще, о Субхути, если какой-нибудь бодхисаттва скажет: «Я осуществляю строительство дворца [будды]», то о нем также следует говорить [как о не-бодхисаттве]. И почему так? Потому, о Субхути, что о том, что называется строительством дворца [будды] или строительством, Татхагата говорит как о несуществующем. Поэтому и говорится о строительстве дворца [будды]. О Субхути, такого бодхисаттву, который молится словами «Дхармы не имеют самосущности, дхармы не имеют самосущности», Татхагата, Победитель Врагов, Всесовершенный Будда называет бодхисаттвой-махасаттвой [Tib.170: 333b7—334a7]¹⁰.

В целом стилистика текста довольно монотонна, в ней используются повторяющиеся речевые штампы, призванные подчеркнуть высочайшую ценность высказываемых изречений, что создает особый, благоговейный настрой слушателей.

Разновидностью жанра сутр являются дхарани-сутры, которые призваны передать ученикам особые заклиательные тексты, дхарани, наделенные силой избавить их от различных опасностей. Например, в «Дхарани, именуемой „Одолевающая разбойников“» [Tôhoku: № 629, 961] Будда передает своему ученику Ананде, увидевшему вдалеке толпу разбойников и сильно испугавшемуся, соответствующее заклинание, способное обезвредить лихих людей. Нарратив этого текста весьма краткий: после зачина, в котором говорится об испуге Ананды при виде разбойников, Будда спрашивает его, не испугался ли тот, и, получив утвердительный ответ, произносит защитную дхарани, после чего описывает эффект, достигаемый ее произнесением. По схожему принципу строятся и другие тексты такого рода.

¹⁰ Здесь и далее цитаты сочинений из «Сунгдуя» приводятся для удобства по одному изданию, а именно по пекинскому изданию 1674 г.

Стоит отметить, что названия текстов данного поджанра не всегда содержат весь термин «дхарани-сутра» целиком. Иногда такие тексты (как упомянутый выше) называются просто «дхарани», но с точки зрения содержания их следует отличать от сочинений, в которых действительно содержатся только заклинательные тексты, не имеющие никакой нарративной рамки.

В составе сборника, по понятной причине, нет третьей разновидности жанра сутр, а именно пространных (вайпуля) сутр, хотя содержатся фрагменты из таковых, а именно отдельные главы из «Сутры Золотого блеска» [Tôhoku: № 550—557], «Сутры благой кальпы» [Tôhoku: № 94], «Лалитавистара-сутры» [Tôhoku: № 95], «Сутры Великого облака» [Tôhoku: № 232] (последний текст связан с почитанием нагов, мифических змееподобных существ, ответственных, в частности, за избавление от засухи, и данная сутра считается способной вызывать дождь, отсюда включение ее фрагмента в состав сборника).

Дхарани

Собственно дхарани, не имеющие нарративной рамки, составляют значительное количество текстов «Сунгдуя». Важно отметить, что иногда дхарани не переводятся на тибетский язык, а передаются средствами тибетской графики на санскрите в различной степени искажения. С учетом того, что обычно тибетские переводчики стремились перевести оригинальный текст максимально полно, включая даже имена, это обстоятельство свидетельствует об особом внимании к магической роли самого звучания речевых заклинаний. Однако некоторые дхарани, очевидно, были созданы уже в Тибете, хотя они и могут выдаваться за индийские, о чем свидетельствует выносимое в заглавие название на санскрите. Последнее, однако, обычно настолько лапидарно, что едва ли действительно может отражать некое исходное наименование. Разумеется, сами тексты таких дхарани написаны полностью по-тибетски и зачастую в стихотворном виде.

Функции таких текстов самые разнообразные: от нейтрализации клеветы до победы в бою, от устранения дурного воздействия планет (которые в буддийской астрологии считаются факторами, влияющими на судьбу человека) до излечения... геморроя.

Среди этих текстов важное место занимают дхарани, направленные на защиту скота, игравшего важнейшую роль в жизни тибетцев (значительная часть населения Тибета была и остается кочевниками-скотоводами) и, разумеется, монголов и бурят. В частности, в «Сунгдуде» имеется группа из шести дхарани, оберегающих лошадей. Первый текст этой группы содержит, например, такие строки, в которых

достаточно полно перечислены основные факторы опасности для их жизни:

Усмири все болезни лошадей!
Эту защиту исполнив,
Жизнь лошадей укрепи!
Другие зловредные пусть не вредят!
Пусть будет сложно врагу внезапно увести [лошадей]!
Проказу, рак, впадение в панику,
Кашель, нарыв, хромоту, оспу и т. д. —
Все болезни лошадей усмири!
Кроме этой, в тройственном мире
Нет иной защитной мантры:
ОМ МАХАКРОДХА РЕМАНТА ХАНА ХАНА ХУМ ПХАТ!
[Tib.170: 240a6—9]

Некоторые дхарани интерпретируются как квинтэссенция тех или иных священных текстов буддизма, прежде всего сутр праджняпарамиты, но также и других важных сутр («Ланкаватары», «Самадхи-раджи» и т. д.). В этом случае они тесно смыкаются с таким видом священных текстов, как мантры. Тесная связь (иногда перерастающая в полную неотличимость) дхарани и мантр видна и в процитированном отрывке, где мантра божества Реманты (разновидность Хаягривы) вплетена в текст дхарани.

Отметим, что тексты дхарани, сохраненные по-тибетски в санскритском звучании (хотя и искаженном), как правило, поддаются внятному переводу, не считая отдельных священных слогов, вроде ОМ, ХУМ, ПХАТ, несущих сложную символическую нагрузку. Мантры в этом смысле мало отличаются от дхарани: они содержат также и священные слоги, и обычные санскритские слова, поддающиеся переводу, только этот перевод не всегда имеет некий законченный вид. В частности, знаменитая шестисловная мантра Авалокитешвары ОМ МАНИ ПАДМЭ ХУМ обычно буквально переводится ‘ОМ драгоценность в лотосе ХУМ!’, хотя более вероятно, что здесь имеет место сложное слово типа «бахуврихи» в звательном падеже («[О] Драгоценнолотосовый»), обращенное к Авалокитешваре. Есть и иные интерпретации. Между тем представленная в цитированном фрагменте мантра ОМ МАХАКРОДХА РЕМАНТА ХАНА ХАНА ХУМ ПХАТ переводится довольно однозначно: ‘ОМ! Прегрозный [царь] Реманта, уничтожь, уничтожь [препятствия]! ХУМ ПХАТ!’

Мантры, как мы видим, могут содержаться внутри других текстов, в частности дхарани, но могут быть представлены и как отдельные тексты. Так, императорскую пекинскую редакцию заключают три особо почитаемые мантры: шестисловная (см. выше), стословная (мантра Ваджрасаттвы, фиксирующая основной смысл практики бодхисаттвы,

закрывающей в неотделимости метода, сострадания к живым существам, от мудрости, знания пустоты) и мантра пратитьясамутпады (квинтэссенция доктрины о 12-членной цепи зависимого существования, начиная с рождения живого существа, формирования его жизненных сил и кончая смертью и новым рождением). Отметим, что сложная мантра нередко помещается в конце других текстов сборника. Также в составе «Сунгдую» то и дело встречаются и другие мантры, в частности так называемые «гарбхи»¹¹ тех или иных текстов, учений, практик.

Гимны и молитвы

Среди благопожелательных, прославительных и молитвенных текстов сборника основное место занимают гимны¹².

В «Сунгдую» содержатся как индийские тексты этого жанра (в частности «Гимн Таре в двадцати одной хвале», «Гимн Ушнишавиджае» Чандрагомина [Tôhoku: № 3115] и др.), так и оригинальные тибетские сочинения (прежде всего два гимна Белой Таре и гимн Зеленой Таре-Кхадиравани Первого Далай-ламы Гэдун Друпа). Тибетские авторы полностью следовали образцам канонических текстов, переведенных на тибетский язык с санскрита. Ими был воспринят сложный орнаментальный стиль индийских авторов, строящийся, как правило, не на драматизме и лирическом вдохновении авторов, но на нанизывании образов, зачастую подчеркнутых сугубо формальными звуковыми приемами. Иногда гимны содержат развернутые описания райских обителей, где обитают будды и бодхисаттвы, как, например, в «Гимне ста восьми именам Тары» [Tôhoku: № 727]:

- [2] В прекрасной преславной Потале,
Украшенной всевозможными минералами,
Увитой всевозможными деревьями-лианами,
Множество «дважды рождённых» [птиц] поют песни,
- [3] Водопады всех видов шумят,
Всевозможные дикие звери в изобилии [водятся],
Ароматами цветов всевозможных видов
Все пространство наполнено;
- [4] Там же имеются всевозможные чудесные плоды,
[Около которых] жужжат «шестиногие» [пчелы],
Сладкие песни поют киннары,
Повсюду [ходят] слоны, полные истомой;

¹¹ На санскрите это слово означает 'лоно, зародыш', а по-тибетски передается, несколько неточно, словом *snying po* — букв.: 'сердце', т. е. «выжимка, квинтэссенция».

¹² Подробный анализ гимнов как жанра индо-тибетской литературы был предпринят автором исследования в монографии [Зорин, 2011].

- [5] Сонмы держателей знания и
 Гандхарвы [им] песнями вторят;
 Отшельники, свободные от страсти,
 Сонмы бодхисаттв и другие,
 [6] Владыки «десяти земель»,
 Тысячи богинь и цариц мантр,
 Начиная с Тары,
 Постоянно [её] посещают...
 [Tib.170: 64b8—65a3]

Примечательной особенностью данного текста является то обстоятельство, что собственно гимновая часть, перечисление имен Тары, содержится внутри объемного нарративного фрагмента, содержащего, в частности, диалог двух бодхисаттв, Авалокитешвары и Ваджрапани. По просьбе последнего Авалокитешвара и произносит имена Тары во имя блага всех живых существ, так как эти имена, по мысли авторов текста, имеют магическую силу помощи.

Важнейшим компонентом стилистики гимнов, прежде всего тантрических, является обильное использование эпитетов и наименований божеств. При всем отличии буддийской религии от древних культов этот важнейший компонент религиозного сознания остался, по сравнению с архаикой, почти без изменений. Проговаривание как можно большего количества характеристик божества должно было способствовать установлению более тесной связи с ним и в конечном счете обретению желаемых результатов, будь то мирское благополучие или духовные достижения — сиддхи. Отсюда наличие в «Сунгдуге» целой серии текстов, воспевающих имена Будды и буддийских божеств.

Особый интерес гимнографов направлен на максимально полное прославление различных внешних и внутренних свойств божеств, а также его благодетельных деяний. Первое имеет как умиловительную, так и медитативную (визуализирующую) функцию, второе же — молитвенную, имплицитно содержащую призыв к продолжению действий во благо всех живых существ и особенно буддистов. Ярким примером первого является начало выдающегося произведения тибетской гимнографии — «Гимна Кхадиравани-Таре, Головного украшения ученых» Гэдун Друпа:

- [2] Кланяюсь стопам Тары, защищающей от всех бед,
 Знанию, состраданию и мощи победителей трёх времён,
 Которые, благодаря чуду милосердия Великомилосердного
 [Авалокитешвары],
 Проявляются в облике прекрасной богини деяний!
 [3] Поклон объединившей метод и мудрость,
 [Стоящей в позе алидха,] выставив правую ногу и поджав левую,
 На троне из луны и логоса, [так как] ясно постигла пустоту;
 Сапфирового цвета одноликой двурукой деве, достигшей
 созревания!

- [4] Кланяюсь Тебе, красавице из Кхадиравани,
 Пышногрудой сокровищнице незапятнанного счастья,
 С белозубой улыбкой на лице — полной луне,
 С долгими очами спокойствия и милосердия!
- [5] Поклон Тебе, что словно бы приглашаешь
 Мудрых к пиршеству высших сиддхи правой рукой,
 Сложенной в мудру дарования высшего [блага], гибкой,
 Точно склонённая ветвь [небесной] бирюзовой пальмы! — и т. д.
- [Tib. 170: 69b2—7]

В отличие от рассмотренных выше текстов, «Гимн Авалокитешваре», приписываемый тибетскому царю Сонгцэн-гампо (первая половина VII в.), является типичным тантрическим гимном, содержащим практически исключительно только описательную характеристику божества. Отметим, что речь здесь идет об апокрифическом тексте, по всей видимости, связанном со знаменитым сборником «Мани-кабум», который якобы был составлен при жизни Сонгцэн-гампо, а потом обнаружен в XI в. К сожалению, в доступной автору исследования редакции «Мани-кабума» данный гимн Авалокитешваре найти не удалось, однако практически нет сомнений, что он должен содержаться в одной из других редакций, поскольку, во-первых, авторство текста приписывается Сонгцэн-гампо, во-вторых, адресат гимна, особая форма Авалокитешвары, появляется впервые именно в этом сборнике. Речь идет об Одиннадцатиликом Тысячеруком Авалокитешваре-Гаганарадже, который отличается от канонической формы, описанной в гимнах индийской монахини Лакшми. Согласно последней, одиннадцать ликов Авалокитешвары расположены следующим образом: 3+3+3+1+1. У Гаганараджи расположение лиц такое: 3+3+2+2+1.

- [2] Трем основным, спокойным белым ликам,
 Исполненным улыбки, прекрасным,
 Умиротворяющим карму и страсти-аффекты,
 Ликам Тела Дхармы — поклон и хвала!
- [3] Поверх них [находящимся], цвета жидкого золота,
 Величественно смеющимся трем грозным ликам,
 Жизнь, заслуги, богатства и т. д.
 Преумножающим — поклон и хвала!
- [4] Поверх них [находящимся], красным как кораллы,
 Двум ликам, творящим деяния подавления,
 Нахмуренным, скалящимся
 Ликам Тела Блаженства — поклон и хвала!
- [5] Поверх них [находящимся], творящим яростные деяния,
 Двум ликам цвета черных туч,
 Разевающим три глаза, страшных, грозных,
 Ликам Явленного Тела — поклон и хвала!

[6] Поверх всех них [находящемуся] телу проявления,
Воплощению всех будд, цвета охры,
Защитнику-Победителю Амитабхе,
Венчающему [образ] — поклон и хвала!

[Tib.170: 106a7—106b3]

Стилистика текста настолько типична для тантрических индийских гимнов, датируемых временем начиная, по меньшей мере, с VIII в., что было бы в высшей степени неожиданным, если бы он мог возникнуть в Тибете веком ранее, тем более быть созданным тибетским царем, впервые пригласившим буддийских проповедников из Индии. Скорее всего, перед нами апокриф, как, собственно, и весь цикл текстов «Мани-кабум», связанный с именем этого царя [Востриков, 2007: 31].

Что касается молитвенных текстов (как правило, именуемых «мон-лам»), то наиболее ярко этот малоисследованный жанр индо-тибетской буддийской литературы представлен в императорской пекинской редакции, где целый блок таких текстов вставлен посередине сборника: в двухтомных изданиях он завершает собой первый том. Среди них находится, например, весьма обширная «Молитва об обретении рождения в земле Сукхавати» Чже Цонкапы. Данное сочинение написано частично правильными стихами, частично прозаическими (но, по-видимому, ритмическими) периодами и довольно эмоционально¹³ в описании сначала мучений и заблуждений, присущих сансарическому бытию, а затем — тех многочисленных благ, которые станут доступны молящемуся после достижения им рождения в обители Будды Амитабхи — Сукхавати, например:

Еще — пусть [я] во всех [последующих] рождениях буду подобен Победителю Амитаюсу и способен одолеть всякую преждевременную гибель одним лишь произнесением [его] имени, произвольно определяя срок [своей] жизни!

Пусть при приближении опасности для жизни будет мне являться образ Покровителя Амитаюса, соответствующий способу обуздания [угрозы] тем или иным из четырех [его] деяний, так что стоит лишь мне увидеть [его], как все без исключения опасности будут усмирены!

Что же до образа этого, соответствующего способу обуздания [угрозы], то пусть [я] буду узнавать [в нем верно] Защитника Амитаюса и порождать твердую и неподдельную веру, в силу чего во всех своих [будущих] рождениях не лишусь явственной поддержки со стороны Победителя Амитаюса как благого друга [своего]!

[Tib.170: 292b1—6]

¹³ Можно предположить, что эмоциональность вообще присуща феномену религиозных молитвенных текстов.

В отличие от гимнов (которые, однако, нередко выступают в паре с молитвами, а часто и содержат в самих себе ярко выраженные молитвенные фрагменты), здесь акцент делается не на восхвалении божества и описании присущих ему благих качеств, но именно на личном переживании своих несчастий и на решимости¹⁴ действовать в будущем таким образом, чтобы заслужить благосклонность божества и устранить свои недостатки. При этом, даже достигнув чистого рождения в райской обители, молящийся желает приносить помощь другим живым существам, «погрязшим» в сансаре. Тема такой помощи и благопожелания всем живым существам входит в число самых распространенных мотивов индо-тибетской религиозной поэзии.

Подводя итог сказанному, отметим следующие основные выводы:

— «ядро сборника», составленное Таранатхой, было расширено уже при первом издании «Сунгдуя» в монастыре Тактэн (по-видимому в середине XVII в.), однако остается неясным масштаб этого расширения: сводилось ли оно только к нескольким небольшим текстам или помимо них был добавлен еще целый второй раздел;

— собственно деление на два раздела в некоторой степени размывается в изданиях, состоящих из двух томов, так как в них в первый том попадает несколько небольших текстов, относящихся, согласно *карчаку*, ко второму разделу;

— исходный список Таранатхи в первом разделе достаточно условно можно поделить на 10 групп текстов: по содержательному признаку (например тексты, посвященные отдельно бодхисаттве Авалокитешваре, или группа текстов, посвященных различным божествам), жанровому (а именно восхваления имен Будды и некоторых божеств) и функциональному (дхарани, направленные на достижение различных целей), при этом группа текстов, посвященных «трем божествам долголетия», может быть выделена как по содержательному, так и по функциональному признаку, а начинающий сборник текст «Манджушри-нама-самгити» в силу своей культовой, религиозно-практической значимости стоит отдельно;

— второй раздел довольно четко делится на две группы текстов соответственно их происхождению — каноническому и апокрифическому (с последним смыкаются и те тексты, которые были переведены на тибетский язык не непосредственно с санскрита);

— исходя из содержания сборника, его в целом можно охарактеризовать как своего рода словесный оберег от всякого рода напастей, которые могут угрожать людям в их повседневной жизни;

¹⁴ Отметим, что этим словом иногда может быть переведено также тибетское слово «монлам».

— в сборнике представлено несколько важных жанров канонической буддийской литературы: дхарани-сутры и малые сутры; собственно дхарани, к которым примыкают мантры; гимновые и молитвенные тексты, среди которых основное место занимают гимны;

— если в изданиях, относящихся к тибетской линии развития, практически отсутствуют тексты, принадлежащие собственно тибетским авторам, то в императорской пекинской редакции в состав сборника оказываются включены стихотворные произведения таких выдающихся деятелей тибетского буддизма, как Чже Цонкапа и Гэдун Друп, продолжающие традиции канонической буддийской поэзии.

Список литературы

1. Издания «Сунгдуя» на тибетском языке

из коллекции ИВР РАН:

Tib.170: пекинское издание 1674 г., в 1 томе, 591 л. + тибетский карчак (5 л.) и монгольский гарчик (7 л.)

Tib.172: лавранское издание 1785 г. в 2 томах, [418] и [446] л. (пагинация не сквозная)

Tib.177-2: издание монастыря Тактэн, до 1658 г., в 2 томах [409] и [410] л. (пагинация не сквозная) + карчак (5 л.) и парчжанг (2 л.)

Tib.177-3: монгольское издание Сидишири, до 1686 г., в 1 томе, [536] л. (пагинация не сквозная)

Из электронной библиотеки TBRC:

W1KG12113: лхасское издание 1947 г. в 2 томах, 310 и 311 л. + карчак (9 л.)

2. Исследования, каталоги, справочная литература

Востриков, 2007: *Востриков А. И.* Тибетская историческая литература. 2-е изд. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007.

Зорин, 2009: Гимны Таре / Пер. с тибет., крит. текст, предисл., прилож. А. В. Зорина. М.: Открытый Мир, 2009.

Зорин, 2010: *Зорин А. В.* У истоков тибетской поэзии. Буддийские гимны в тибетской литературе VIII—XIV вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010.

Зорин, Сизова, 2013: *Зорин А. В., Сизова А. А.* Первые пекинские издания сборника «Сундуй» на тибетском и монгольском языках // *Mongolica XI*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. С. 37—44.

Dung dkar tshig mdzod chen mo, 2002: *Mkhas dbang dung dkar blo bzang 'phrin las mchog gis mdzad pa'i bod rig pa'i tshig mdzod chen mo shes bya rab gsal*. Beijing: *Krung go'i bod rig pa dpe skrun khang*, 2002.

Eimer, 1972—1978: *Eimer H.* Tibetica Stockholmiensia. Handliste der tibetischen Texte der Sven-Hedin-Stiftung und des Ethnographischen Museums zu Stockholm // Zentralasiatische Studien 6. 1972. S. 603—682; 7, 1973. S. 301—351; 8, 1974. S. 179—240; 9, 1975. S. 37—86; 10, 1976. S. 625—674; 11, 1977. S. 507—554; 12, 1978. S. 315—358.

Eimer, 2006: *Eimer H.* Die Ausgabe des Gzungs 'dus aus Dga' ldan phun tshogs gling // Jaina-itihāsa-ratna. Festschrift für Gustav Roth zum 90. Geburtstag. Marburg: Indica et Tibetica Verlag, 2006. S. 163—177.

Meisezahl, 1968: *Meisezahl R. O.* Über zwei mDo-maṅ Redaktionen und ihre Editionen in Tibet und China // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn — 2. Wiesbaden: Kommissionsverlag Otto Harrassowitz, 1968. S. 67—150.

Tôhoku: A complete catalogue of the Tibetan Buddhist canons (Bkaḥ-ḥgyur and Bstan-ḥgyur) / Ed. by Hakuju Ui, Munetada Suzuki, Yenshō Kanakura, Tôkan Tada. Sendai: Tôhoku Imperial University, 1934.

Uspensky, 1999: *Uspensky V.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999.

Willson, 1996: *Willson M.* In Praise of Tara: Songs to the Saviouress — Source Texts from India and Tibet on Buddhism's Great Goddess. Boston: Wisdom Publications, 1996.

Wayman, 1999: Chanting the Names of Mañjuśrī. The Mañjuśrī-Nāma-Saṃgīti. Sanskrit and Tibetan Texts / Translated, with Annotations & Introduction by A. Wayman. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers Private Limited, 1999.

Zorin, 2014: *Zorin A.* Lines of Development of the Tibetan Editions of Gzungs 'dus Collection First Printed in the Rtag brtan Monastery Founded by Tāranātha // Вестник РУДН. Сер. Философия. 2014. № 1. С. 40—52.

Alexander V. Zorin

On the Structure and Contents of the Gzungs 'dus Collection

The paper presents some tentative results of an analysis of the structure of the famous collection of Buddhist texts that became known as *Gzungs 'dus* in the history of Tibetan and Mongolian literatures, and the brief characteristics of major literary genres found in the collection, such as sūtras, dhāraṇī-sūtras, mantras, hymns and prayers. The issue of the initial list of texts of the collection compiled by Tāranātha in the first third of the 17th century is also addressed.

Key words: *Gzungs 'dus*, Tāranātha, structure of the collection of texts, genres of Tibetan literature